

Из текущей журналистики.

(«Русская Мысль» — декабрь).

Есть вдумчивость и вдумчивость... Бывают вдумчивые люди, — в частности, писатели, — которые удивительно тонко подмечают возмущение и всю историю каждой мелкой волны на пестрящей зыби жизненного потока, но ни направления самого потока, ни его глубины не замечают, а развить только временами смутно предчувствуют. Бывают и другие: следят ли они или не следят за рябью течения, но взгляд их не может оторваться от могучего движения всей массы, и под каждой набивающей волной они прежде всего видят породившую ее глубину. Первые могут быть очень серьезны по темпераменту и обладать первостепенным изобразительным талантом, вторые могут казаться очень веселыми и даже как будто легкомысленно веселыми: истинное величие или, по крайней мере, значительность является уделом последних, а первые только приближаются к ним в те счастливые минуты, когда тщательное наблюдение случайно заставит их почувствовать движущуюся бездну под занимательными переживаниями поверхности. Повторяю, писатель первого типа может быть очень серьезным и талантливым: мало того, он может живо интересоваться глубочайшими проблемами и даже дѣлать их темой своих произведений... Этот последний случай особенно интересен; современники слышат и рядом ошибаются относительно таких писателей и видят их силу именно в значительности поднятых ими вопросов, тогда как эти вопросы в готовом виде внесены писателями в их произведения извне, как результат хотя бы и искренней, но отвлеченной и сравнительно холодной любознательности, а не рождены изнутри их собственной природы.

Говоря о писателях этого типа, я имѣю въ виду г. Чехова. Общепризнанный болѣе изобразительный талант его, строгая художественная чистота имѣла въ духѣ Льва Толстого вплоть до усвоения некоторыми недостатками знаменитого романиста, — серьезная объективность его тона, наконец, нерѣдко также интересность затронутых им тем — давно выдвинули его изъ ряда нашихъ беллетристовъ на одно изъ первыхъ мѣстъ и завоевали ему всеобщее вниманіе критики. Надо къ тому же сказать, что развитый язы-

«Какъ удивительно по-толстовски, своеобразно и неуловимо построена хотя бы сдѣланный фразы. Ловко (сказать), онъ вспоминаетъ, что она еще такъ давно была институткой, училась, все равно какъ теперь его дочь, всматриваясь въ лицо еще не въдохнутой, угловатости были въ его глазахъ, въ разговорѣ съ незнакомымъ, — должно быть, это первый разъ въ жизни она была одна, въ такой обстановкѣ, когда за ней ходятъ, и на немъ смотрятъ, и говорить съ ней только съ одной такою цѣлью, о которой самъ не можетъ не догадаться.»

ный вкусъ нашего писателя не позволяетъ ему не только грубо прищипывать къ своимъ произведеніямъ на манеръ Эмиліа Золя какой-нибудь модный «социологическій», «психологическій» или даже «физиологическій» ярлыкъ, но и навязно морализировать по примѣру Льва Толстого; когда г. Чеховъ задается «интересной» темой, онъ старается сдѣлать такъ, чтобы она какъ будто вытекала изъ произведенія. Но, къ сожалѣнію, это «какъ будто» у него всегда остается...

Я не хочу, чтобы читатели обманывались насчетъ истиннаго смысла моей характеристики: я вовсе не желаю отнимать у г. Чехова ни искренности, ни вдумчивости и не собираюсь приписать его къ разряду «поверхностныхъ писателей». То различіе тоновъ, о которомъ я говорилъ въ первыхъ строкахъ настоящей статьи, лежитъ въ самой глубинѣ художественныхъ темпераментовъ и опредѣляетъ главный образъ направленіе творческой дѣятельности; но на этомъ различіи я настаиваю. Какъ бы ни былъ серьезенъ писатель первого разряда, — непосредственной глубины художественнаго созерцанія, незримо и неотступно присутствующей за живыми, пестрыми картинками думы и любящей тревоги о судьбахъ міра и человѣка, въ у него не найдете: его «глубина» всегда будетъ нѣсколько разсудочной и стоящей какъ-то особнякомъ отъ его таланта и наблюдательности. Но иногда такой художникъ, не задаваясь никакой цѣлью, а просто руководимый своей добросовѣстной наблюдательностью, незаметно для себя подходитъ къ той границѣ, за которой начинается царство таинственныхъ силъ, управляющихъ жизнью; можно съ увѣренностью сказать, что въ подобномъ случаѣ онъ неизбежно остановится съ недоумѣніемъ передъ новой задачей, какъ передъ какимъ-то головокружительнымъ обрывомъ, хотя бы, разсуждая отвлеченно, ради «интересной» темы, онъ не разъ смѣло трактовать и болѣе мудреные вопросы. Попробую сдѣлать свою мысль болѣе наглядною на примѣрѣ новаго разсказа г. Чехова — «Дамы съ собачкой», помѣщенного въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли».

О чемъ собственно говорится въ этомъ разсказѣ? О простомъ и довольно дрянномъ курортномъ адюльтерѣ, почему то превратившемся въ серьезное чувство. Мы сейчасъ увидимъ, что именно таково содержаніе — «Дамы съ собачкой», — ничуть не болѣе; а между тѣмъ, когда читается этотъ разсказъ, — все время чудится, что въ немъ съшится что то болѣе значительное и цѣнное: таково вліяніе изящнаго, серьезнаго спокойствія въ тонѣ разсказа и художественно подмѣченныхъ деталей въ изображеніи лицъ и событій. И въ концѣ концовъ, мы натолкнемся на то недоумѣніе передъ внезапно промелькнувшей глубиной, о которомъ я только что говорилъ.

Дмитрій Дмитріевичъ Гуровъ, московскій домовладѣлецъ и банковскій чиновникъ, проводитъ сезонъ въ Илтѣ. Ему подѣ сорокъ, у него нелюбимая жена и три дѣтей, обучающихся въ гимназіи. Семья осталась въ Москвѣ, а онъ прѣѣхалъ въ курортъ, потому что онъ прежде всего — поклонникъ свободы и женщинъ, у которыхъ пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ. Какъ извѣстно, донъ-жуаны, начиная отъ легендарнаго испанскаго и кончая самыми мелкотравчатыми русскими, считаются совѣтъ особой породой людей. Мнѣ кажется, что все ихъ своеобразіе сводится къ очень немногимъ личнымъ качествамъ и гораздо болѣе зависитъ отъ разнѣхъ случайностей, какъ въ обстоятельствахъ ихъ жизни, такъ и въ обстоятельствахъ жизни тѣхъ женщинъ, съ которыми они сталкиваются. Отъ самихъ донъ-жуановъ обязательно требуются только беззащитный эгоизмъ, беззащитность насчетъ судьбы женщины и полное непониманіе чувства женской чести, замаскированные мягкими манерами, да еще пожалуй такъ называемая «мужественность», т. е. хорошая мускулатура и отсутствіе колебаній; но самое существенное свойство — откровенное женолюбіе, которое можетъ замѣнить и другія недостающія качества, за исключеніемъ безпечнаго эгоизма. Не только ума, но даже и красоты вовсе не требуется... Объектами дѣятельности донъ-жуановъ бываютъ почти всегда неудачно вышедшія замужъ дамы, у которыхъ воображеніе начинаетъ бредить и утрачиваетъ чистоту, если она даже существовала раньше: только самымъ наивнымъ нужна бываетъ хоть нѣкоторая иллюзія, болѣе шипство-же удовлетворяется простымъ фактомъ, что передъ ними — недурной собою мужчина, обратившій на нихъ вниманіе. Мѣсто побѣды донъ-жуановъ — главнымъ образомъ курорты, затѣмъ лѣтніе сады и театральныя подмостки, если судьба была къ нимъ такъ благосклонна, что предназначала ихъ для брития усомъ и бороды, красиваго грима и плотно-облегающихъ костюмовъ. Наконецъ, содержаніе ихъ дѣятельности — «чистая физиологія», подсахаренная и подкрашенная лишь настолько, насколько требуютъ обстоятельства и капризы покоряемой женщины. Наличность такихъ данныхъ создаетъ тѣ триумфы донъ-жуановъ, о которыхъ они столь увлекательно повѣствуютъ въ холостой компаніи, съ собачьимъ выраженіемъ замаслившихся глазъ и ухмыляющегося рта.

Исторія, разсказанная г. Чеховымъ, принадлежитъ именно къ числу такихъ триумфовъ, а герой разсказа — Гуровъ — къ числу такихъ донъ-жуановъ. Женщинъ Гуровъ обывалъ «нижней расой», но безъ нихъ «не могъ прожить и двухъ дней» и только въ ихъ обществѣ чувствовалъ себя привольно. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, недо-

вимое, что располагало к нему женить, манило их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним.

Что же он представлял из себя за пределами „женского вопроса“? Маленькая выдержка дает об этом понятие. „Он мало-по-малу окунулся в московскую жизнь и уже соорудил с жильцами, дворниками, полицией, с жандармами прочитывал по три газеты в день и потем говорил, что не читает московских газет из принципа. Его уже тянуло в рестораны, клубы, на званые обеды, юбилеи; легкое, безпечное настроение и чувство личной свободы исчезли и уже ему было ледно, что у него бывали навесты адвокаты и артисты, и что в докторских клубах он играет в карты с профессором. Уже он мог съесть целую порцию солиanky на сквордѣ, и если бы Анна Сергѣевна видѣла, какъ онъ выходилъ изъ ресторана красный, мрачный, недовольный, то, быть можетъ, поняла-бы, что въ немъ нѣтъ ничего возмужалого и необыкновеннаго“...

Это, конечно, не характер (характеры вообще въ этомъ рассказѣ отсутствуютъ), это—просто квинтэссенция пошлости и посредственности, могущихъ выѣститься въ ситомъ обывателя. Но сочетание подобныхъ признаковъ, искусно и словно съ удовольствіемъ подобранныхъ талантливымъ беллетристомъ, нисколько не мѣшаетъ быть побѣдителемъ дамскихъ сердецъ, разъ имѣется налицо то „неудовимое“ и „располагающее“, истинный смыслъ котораго я попытался раскрыть выше. Перейдемъ же къ описанной авторомъ побѣдѣ.

На ялтинской набережной появилась новое лицо—дама пріятной наружности, гулявшая съ бѣлымъ шпидемъ, что и послужило г. Чехову совершенно недостаточнымъ поводомъ къ выбору заглавія рассказа, а его герою вполне достаточнымъ—къ рѣшенію одержать побѣду, особенно послѣ того, какъ онъ случайно, обѣдая въ саду, оказался съ дамой сѣдомъ по століку. Знатокъ дѣла рѣшаетъ быстро нужные вопросы: „ея выраженіе, походка, платье, прическа говорили ему, что она изъ порядочнаго общества, замужемъ, въ Ялтѣ въ первый разъ и одна, что ей скучно здѣсь“... А какой изъ этого выводъ? Вотъ онъ: „соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романѣ съ неизвѣстной женщиной, которой не знаешь по имени и фамиліи, вдругъ овладѣла имъ“. Таковъ идеаль курортнаго донъ-жуана и онъ осуществился вполне, только съ неожиданнымъ для него, да, вѣроятно, и для читателей продолженіемъ. Гуровъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ Анной Сергѣевной (такъ звали „даму съ собачкой“), нѣсколько разъ въ теченіе зады предложилъ ей водки съ сиропомъ или мороженаго и, послѣ этихъ preliminарій, пошелъ съ нею

подъ вечеръ на пристань встрѣчать пароходъ. У Анны Сергѣевны глаза блестѣли, она много говорила, причѣмъ забывала, о чемъ спрашивала и, наконецъ, потеряла лорнетку. Публика разошлась, а они остались, и тутъ разыгралась слѣдующая сцена.

— „Погода къ вечеру стала лучше, — сказала онъ. — Куда же мы теперь пойдемъ? Не побѣхъ ли намъ куда-нибудь? “

Она ничего не отвѣтила. Тогда онъ пристально поглядѣлъ на нее и вдругъ объялъ ее и поцѣловалъ въ губы, и его обдало запахомъ и влагой цвѣтовъ, и тотчасъ же онъ пугливо оглядѣлся: не видятъ ли кто? — Пойдемте къ намъ... — проговорилъ онъ тихо.

И оба пошли быстро.

Надо отдать справедливость г. Чехову: онъ удивительно умѣетъ изображать все пошлѣе и мелко отвлеченное! Голосъ, прозаическое, незначительное, почти скучное вождѣліе двухъ юныхъ самца и самки нарисовано въ приведенномъ отрывкѣ такъ правдиво, что даже тошнитъ. Это „ты“, съ которымъ Гуровъ послѣ увлеченія обращается къ женщинѣ, неизвѣстной ему даже по фамиліи, это невольное амикошество двухъ выпачкавшихся людей дорисовываютъ картину... Смыслъ всего приключенія становится вполне яснымъ, и тѣмъ непонятнѣе тѣ его послѣдствія, о которыхъ рассказываетъ авторъ.

Гуровъ не можетъ забыть Анны Сергѣевны, и Анна Сергѣевна не можетъ забыть Гурова. Сначала онъ ѣдетъ въ ея городъ, потомъ она начинаетъ прѣзжать къ нему въ Москву, и они влюбляются другъ въ друга, даже больше любить другъ друга, — какъ очень близкіе, родные люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ-для-друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она замужемъ, — это было чудовищно... Они простили другъ-другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ (интересно знать, стыдились-ли они своей встрѣчи въ Ялтѣ?), простили все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоихъ...

Откуда намъ сіе? Не было-ли въ ялтинскихъ похожденіяхъ нашихъ героевъ хоть чего-нибудь, оправдывающаго такой исходъ? Прощаніе Анны Сергѣевны съ Гуровымъ достаточно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ.

— „Это хорошо, что я уѣзжаю, — говорила она Гурову. — Это сама судьба. Еще немного, и я увлеклась-бы вами серьезно“...

Вотъ какъ рассказываетъ барынька послѣ мѣсяца курортной любви! Чего ужъ тутъ ждать, казалось-бы... Но судьба въ лицѣ г. Чехова рѣшила иначе... Рассказъ оканчивается слѣдующими строками:

...Они долго совѣщались, гово-

рили о томъ, какъ избавить себя отъ необходимости прятаться, обманывать, жить въ разныхъ городахъ, не видѣться по-долгу? Какъ освободиться отъ этихъ невыносимыхъ цу? — Какъ? Какъ? — спрашиваетъ онъ, хватая себя за голову. — Какъ? И казалось, что еще немного — и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь, и обоимъ было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается“...

Читатели замѣтили, конечно, что здѣсь недоумѣваютъ не одни только влюбленные, но вмѣстѣ съ ними и авторъ, который могъ лишь удостоверить фактъ ихъ любви и въ изумленіи передъ внезапно обнаружившеюся тайной оборвать рѣчь.

Но, можетъ быть, г. Чеховъ просто искусственно присочинилъ конецъ рассказа, чтобы не ограничиться никому ненужной исторіей курортнаго адюльтера? Я думаю, что г. Чеховъ никогда не „сочиняетъ“ своихъ произведеній, такъ какъ онъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ нашихъ художниковъ, и, даже увлекаясь „интересной“ темой, онъ дѣйствительно, видитъ ея осуществленіе въ тѣхъ фактахъ, которые изображаетъ; если же „интересная“ тема и факты, все-таки, располагаются въ разныя стороны, то здѣсь виноваты особенности художественнаго темперамента. Въ настоящемъ случаѣ, г. Чеховъ несомнѣнно беретъ факты въ томъ порядкѣ, въ какомъ онъ ихъ представлялъ; открывшаяся же подлѣ ними таинственная бездна такъ поражаетъ и его самого и читателей только потому, что она гдѣ-то была и раньше, но глазъ художника ея не уловилъ. Тонкій живописецъ жизненной поверхности, можетъ быть, невольно приписалъ и своимъ героямъ и всю ихъ исторію, просмотрѣвъ гдѣ-нибудь великій переломъ, бичи и скорбони пробудившей совѣсти, тайныя муки поруганной чести и стремленій къ возрожденію въ себѣ человека. Тамъ, гдѣ онъ изобразилъ заурядную и, надо сказать, омерзительную любовную авантюру, вѣроятно, было еще что-то, оставшееся и ему и намъ неизвѣстнымъ; ему же показалось соблазнительнымъ отмѣтить случай необыкновеннаго заключенія грязнаго адюльтера.

Когда появляется рассказъ такого писателя, какъ г. Чеховъ, интереснаго даже своими недостатками, невольно удѣляешь ему особенное вниманіе; поэтому, мнѣ не пришлось наложить содержаніе любопытной статьи г. Л. А. Б.—ча— „По трущобамъ Лондона“, въ чемъ я прошу прощенія у читателей.

Б. Н.—я.